

*МОТОРИНА Анна Александровна, аспирант
кафедры русской литературы XX века Московского
государственного областного университета**

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО (К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И ЖИТИЯ)

В данной статье представлен сопоставительный анализ биографического, автобиографического, мемуарного и агиографического жанров в литературном процессе XX века на материале жизнеописаний Луки Войно-Ясенецкого. Актуальность работы определяется возрастающим значением указанных жанров в кризисной эпохе рубежа XX–XXI веков. В связи с этим все большее внимание приобретает теоретическое определение особенностей жанра агиографии в современном литературоведении. В исследовании приводится историографический обзор мнений о соотношении названных жанров в исследованиях В.О. Ключевского, А.П. Кадлубовского, Г.П. Федотова, Е.К. Макаренко, Л.Г. Дорофеевой, А.В. Растягаева. В качестве методологической базы выступает предложенное М.М. Бахтиным жанровое разделение, основанное на роли и соотношении образов автора и героя в произведениях. При разграничении жанров учитываются свойственные им внутренние установки на вымышленность, историческую и художественную правду в повествовании. Учитываются суждения Н.А. Бердяева, Вяч. Иванова, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, А.П. Кадлубовского об отношении мифа, легенды и жития к объективной реальности и высшей, идеальной действительности. Рассматриваются существующие жизнеописания архиепископа Луки Войно-Ясенецкого с особым вниманием к книге М.А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» и автобиографии святителя Луки «Я полюбил страдание...». Дается критический анализ произведения Поповского, создавшего не биографию архиепископа-хирурга, не житие святителя, а произведение смешанного жанра, где субъективная авторская точка зрения занимает главенствующее положение. В заключение обосновывается необходимость создания полноценного канонического жития архиепископа Луки, причисленного Русской православной церковью к лику святых в августе 2000 года.

Ключевые слова: *Лука Войно-Ясенецкий, агиография, жизнеописание, историческая правда, каноническое житие.*

*Адрес: 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А; e-mail: blackfish00@yandex.ru

Для цитирования: Моторина А.А. Жизнеописания святителя Луки Войно-Ясенецкого (к вопросу о соотношении биографии, автобиографии и жития) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 5. С. 113–121. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.113

Сегодня проблема определения агиографического жанра обрела особую актуальность в связи с необходимостью создания канонических житий новомучеников и исповедников российских. По наблюдению Е.К. Макаренко, «смещение жанровых форм», приведшее впоследствии к полной «смене жанровой парадигмы», началось еще в XVII веке вместе с русским культурным Ренессансом [1, с. 95]. В этот период помимо церковной литературы, наследовавшей традиции древнерусского творчества, жанр жития продолжил существование и в светском искусстве, где постепенно переродился в биографический, автобиографический, мемуарный и эпистолярный жанры.

Л.Г. Дорофеева отмечает мемуарную форму как «наиболее распространенную <...> в современной агиографии» [2]. Однако, с точки зрения исследовательницы, здесь «эта жанровая форма выполняет иную, нежели в светской литературе, функцию» [2]. Несмотря на то, что в обоих случаях «мемуарист, воспроизводя лишь ту часть действительности, которая находилась <...> в его поле зрения, основывается преимущественно на собственных непосредственных впечатлениях и воспоминаниях»¹, в духовной православной литературе на переднем плане оказывается не «он сам»² и не его «переживания “чьей-то святости”, а сама святость, сам святой или подвижник» [2].

Исторически проблема соотношения жития и биографии наметилась уже в работах В.О. Ключевского, А.П. Кадлубовского, Г.П. Федотова, Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, посвященных агиографической литературе средневековья. По наблюдению В.О. Ключевского, «биографический рассказ в житиях <...> отличается недостатком хронологических и других указаний, необходимых для полного вос-

произведения обстановки события» [3, с. 417]. Здесь повествователь, «дорожа лишь той стороной явлений, которая обращена к идеалу», забывает «о подробностях обстановки, места и времени, без чего для историка не существует исторического факта» [3, с. 433]. С точки зрения исследователя, «житие относится к <...> биографии так, как иконописное изображение к портрету» [4, с. 75].

К сходному заключению приходит и Г.П. Федотов, определивший «общий закон агиографического стиля» как «подобный закону иконописи: он требует подчинения частного общему, растворения человеческого лица в небесном прославленном лике» [5, с. 30]. А.В. Растягев видит особенность житийного жанра в его нравственно-назидательной задаче: «...житие святого – это прежде всего описание пути подвижника к спасению, <...> а не документальная фиксация его земной жизни и не литературная биография» [6, с. 7].

Особую роль в решении вопроса о соотношении жанров жития, биографии и автобиографии играют работы М.М. Бахтина, которые в настоящей статье используются в качестве методологической базы с целью исследования жанрового разнообразия произведений, посвященных жизни Луки Войно-Ясенецкого. Отсутствие канонического жития святого вместе с растущим интересом к его личности определяют актуальность и новизну данной темы. К анализу привлекаются прежде всего работа М.А. Поповского «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга»³ и автобиография святителя Луки «Я полюбил страдание...»⁴.

Одна из самых известных книг о деятельности архиепископа Луки написана М.А. Поповским (1922–2004). Писатель кропотливо, более

¹Левицкий Л.Л. Мемуары // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 216.

²Там же.

³Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. URL: <https://azbyka.ru/fiction/zhizn-i-zhitie-vojno-yaseneckogo-archiepiskopa-i-xirurga/#n4> (дата обращения: 21.01.2017).

⁴Лука Войно-Ясенецкий, архиеп. Я полюбил страдание... URL: <http://predanie.ru/luka-voyno-yaseneckiy-svyatitel/book/70926-ya-polyubil-stradanie/> (дата обращения: 25.09.2017).

двух десятилетий отбирал документальный материал для задуманной биографии. По воспоминаниям протоиерея Александра Меня, автор «не только лично успел встретиться со своим героем, но объехал все места его жизни, медицинской практики, ссылок, собрал устные рассказы и доподлинные документы» [7]. По окончании работы над книгой Поповский опубликовал ее во Франции в 1979 году и лишь позднее, в 1990 году, – в российском журнале «Октябрь». В обоих случаях – задолго до канонизации святителя. Отдельной книгой текст был издан в России только в 2002 году.

По завету святителя Луки, тот, кто решит описать его жизнь, «ни в коем случае не должен отделять облик архиепископа Луки от лица хирурга Войно-Ясенецкого»⁵. «Только двуединая биография сможет отразить подлинное лицо и душу хирурга-епископа»⁶, – заключает М.А. Поповский. Но, будучи в момент составления жизнеописания человеком неверующим (принял крещение позже, по завершении работы над книгой), писатель старательно отделял реальные, с его точки зрения, случаи от эпизодов «сказочно-мистического» характера. В отмеченном А. Менем стремлении быть «предельно честным», не превращать героя в «икону» [7] автор отнес к разряду вымысла не только многочисленные сплетни, окружавшие личность архиепископа-врача, но и все аспекты, связанные с божественным откровением: чудесные происшествия в жизни святителя Луки в книге представлены как случайные совпадения или вовсе подвергнуты сомнению.

Анализируя юношеские поступки и убеждения героя, писатель не доверяет собственным свидетельствам архиепископа Луки: «В “Мемуарах”⁷, писанных Войно-Ясенецким на восьмидесятом первом году жизни, он уже и сам не в силах восстановить свой душевный мир начала столетия»⁸. Основным подходом к написанию биографии Поповский избирает метод аналогии, сопоставляя воспоминания святителя Луки с книгой Бердяева «Самопознание (Опыт философской автобиографии)». Читая Бердяева, признается Поповский, «я не мог отделаться от мысли, что нечто подобное мог бы написать и мой герой, если бы только, как Бердяев во Франции, имел право свободного самовыражения»⁹.

По наблюдению Поповского, архиепископ Лука в своих записях соединяет воспоминания, носящие «совершенно земной, реалистичный характер» с эпизодами, «будто взятыми из Житий святых»¹⁰. Данный «мистический сектор» жизни героя писатель расценивает как миф. Выстраивая в произведении собственный понятийный аппарат, Поповский использует жанры мифа и жития в качестве взаимозаменяемых, приравнивает мистические стороны жизни к вымыслу: «Единственный неоспоримый автор мифов о В.Ф. Войно-Ясенецком был, как это ни покажется странным, сам В.Ф. Войно-Ясенецкий»¹¹. Здесь обнаруживается первое внутреннее противоречие художественного метода Поповского, т. к., по неоднократно цитируемой им мысли Н.А. Бердяева, «миф не означает чего-то противоположного реальному, а, наоборот, указывает на глубочайшую реальность»¹².

⁵Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга.

⁶Там же

⁷Определение жанра книги архиепископа Луки «Я полюбил страдание...» как мемуаров является не вполне корректным. Здесь святитель не стремится к осмыслению исторического контекста своей жизни, но прежде всего акцентирует внимание на внутреннем пути личностного развития.

⁸Поповский М.А. Указ. соч.

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

Такая точка зрения на миф была весьма распространена в начале XX века. По мнению Вяч. Иванова, «истинный миф – постулат коллективного самоопределения, а потому и не вымысел вовсе и отнюдь не аллегория или олицетворение, но ипостась некоторой сущности или энергии» [8, с. 90]. Понимая под данной энергией «искусство» [8, с. 92], Иванов видел призвание поэта (в переводе с греч. – «творец») во «вселенском мифотворчестве» [8, с. 83]. Подобную мысль можно найти и у П.А. Флоренского, писавшего, что «легенда не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда – это <...> возведенная в тип сама действительность» [9, с. 784]. «Миф – не идеальное понятие и также не идея и не понятие. Миф – есть сама жизнь» [10, с. 400], – дает определение А.Ф. Лосев. Однако Поповский полагал, что миф не содержит обобщений действительности, а, напротив, «идет от единичного факта», искажая его субъективным восприятием¹³. Миф, утверждает автор, есть рассказ, «преодолевающий грани внешней объективной фактичности и раскрывающий фактичность идеальную, субъективно-объективную»¹⁴. Под словом «миф» Поповский понимал вымысел, который хотя и содержит некую правду, но не соответствует реальной жизни.

Началом книги, посвященной жизни Луки Войно-Ясенецкого, писатель ставит «Пролог – Житие», где собирает воедино многочисленные слухи, предания и сплетни о герое. Подобный художественный стиль вовсе не характерен при написании агиографий. По наблюдению М.М. Бахтина, «житие святого как бы с самого начала протекает в вечности»¹⁵. Здесь автор

намеренно отказывается от «своей позиции вненаходимости святому», смиряясь «до чистой традиционности»¹⁶. Из повествования «должно быть исключено все типическое для данной эпохи, <...> национальности <...>, социального положения, <...> все конкретное в облике» – любые черты, усиливающие «определенность в бытии данной личности» и понижающие тем самым ее «авторитетность»¹⁷. Житие святого – это не объективное биографическое жизнеописание и не субъективные воспоминания современников о человеке, но абстрагированная схема пути героя к спасению.

Включая в повествование различные подлинники документы и свидетельства очевидцев, Поповский сопровождает материал собственным комментарием, внося не свойственный для биографии активный критический «контекст автора-созерцателя»¹⁸. Например, давая портрет жены Войно-Ясенецкого, писатель основывается больше не на скудных биографических сведениях о ней, а на каком-то своем «мужском чувстве», остро поразившем его при первом же взгляде на фотографию Анны Ланской: «Передо мной существо, жившее напряженной и тайной жизнью сердца, под маской девичьего благонаравия» в ней «упорно проступала чувственность, склонность к экзальтации <...> в черных глазах <...> читалась какая-то неудовлетворенность», будто «поманила» ее жизнь, да и «обожгла»¹⁹.

По наблюдению автора, Войно-Ясенецкий не пытался объяснить причины, побудившие его принять монашество: «... в “Мемуарах” мы находим только факты, без комментариев <...> Очевидно, сделанный выбор Валентин-Лука считал вполне естественным, более того –

¹³Поповский М.А. Указ. соч.

¹⁴Ср. с А.П. Кадлубовским: «Нередко житие, изменяя <...> фактическую сторону жизни святого, уклоняясь от правдивости реальной, сохраняло однако правдивость идеальную» [11, с. 168].

¹⁵Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 161.

¹⁶Там же. С. 162.

¹⁷Там же. С. 161.

¹⁸Там же. С. 151.

¹⁹Поповский М.А. Указ. соч.

единственно возможным»²⁰. Несмотря на подобный вывод, Поповский упорно стремится проанализировать каждый шаг в жизни героя, вписав его в понятную материалистическому рассудку логическую схему: «И все же я должен повторить: главная причина, побудившая ученого надеть рясу и крест, была не церковно-служебная, а этическая. И ряса, и крест, и литургия были лишь формой нравственного протеста, его “не могу молчать!”»²¹.

Субъективность авторских суждений не позволяет отнести произведение Поповского к чистому биографическому жанру. По определению Бахтина, «автор в биографии наиболее близок к герою ее <...> У него нет лишних трансгредиентных моментов для творчества»; он «руководится теми самыми ценностями, которыми живет» его герой, продолжая в своем творчестве то, «что уже заложено в самой жизни героев»²². Обращаясь к образу архиепископа Луки Войно-Ясенецкого, Поповский «сплошь противостоит <...> жизненной активности героя, <...> переводит ее на эстетический язык»²³. Он создает законченный характер, в каждый момент творчества используя «все привилегии своей всесторонней вненаходимости герою»²⁴. Все в произведении «воспринимается как момент характеристики героя», служит ответом на вопрос «кто он?»; в биографии же важно, не «кто» герой, а «что он прожил и что <...> сделал»²⁵. Здесь в «ценностном центре видения» должно быть не «целое героя», но герой «как носитель определенной богатой и полной, исторически значительной жизни»²⁶. Именно

жизнь является «основным художественным заданием»²⁷ биографических жанров.

Е.С. Левина в рецензии на «Дело академика Вавилова» – другую крупную биографию, составленную Поповским, – замечает: «Встречая в книге Поповского ссылки на известные мне документы, не могу не удивиться вольности их прочтения» [12, с. 121]. Левина также указывает на множество неточностей и ошибок в работе, натяжки, склонность автора к литературным домыслам и неоправданным выводам.

К сожалению, критику Левиной можно отнести и к книге, посвященной жизни святителя Луки. В предисловии к биографии Поповский отмечает, что дети Войно-Ясенецкого сначала принимали составителя жизнеописания «дружелюбно, предоставили возможность познакомиться с письмами отца», но затем отношение резко изменилось, особенно, по замечанию автора, «нервничал старший сын Михаил»: он неоднократно требовал «прислать на прочтение уже готовые главы» и даже угрожал в противном случае «обратиться в ГБ»²⁸. Подобное отношение Поповский объясняет испугом, тем, что появление книги могло «дурно повлиять на профессорские карьеры» родственников Войно-Ясенецкого²⁹. Признавая вероятность подобного объяснения, нельзя оставить без внимания возможность простого опасения потомков за искажение памяти об отце. В созданном Поповским произведении содержится слишком много исторического контекста, чтобы назвать это притчей, в то же время биографии ученого или житию

²⁰Поповский М.А. Указ. соч.

²¹Там же.

²²Бахтин М.М. Указ. соч. С. 132, 142.

²³Там же. С. 152.

²⁴Там же.

²⁵Там же. С. 151.

²⁶Там же.

²⁷Там же.

²⁸Поповский М.А. Указ. соч.

²⁹Там же.

святителя противоречит откровенный художественный вымысел.

В.А. Лисичкин – автор многочисленных исследований, посвященных наследию святителя Луки, – оценивает труд Поповского как «вредную книгу», «кошунственно» показывающую святого [13]. Единственным достоинством в ней Лисичкин видит «публикации отдельных отрывков из писем Святителя» (в настоящее время вся переписка Войно-Ясенецкого хранится в одном из нью-йоркских университетов, она вывезена Поповским в США под предлогом работы над книгой) [см.: 13].

Тем не менее указанные замечания и литературные неточности не лишают созданную Поповским биографию ряда неоспоримых достоинств. Помимо собранного им большого количества документальных данных, устных опросов очевидцев писатель оставил множество тонких наблюдений касательно характера и этических принципов героя. Так, автором были впервые проанализированы истории болезни, составленные Войно-Ясенецким: «Они – свидетельство живого интереса его к каждому, <...> ибо никогда не существовало для него в больнице “медицинских случаев”, а были живые страдающие люди, и никогда не терял он интереса к неповторимой личности и судьбе больного человека»³⁰.

Об этом же говорит и главный научный труд архиепископа Луки «Очерки гнойной хирургии», ставший настольной книгой для нескольких поколений хирургов. «Есть в ней строки, показывающие, с каким христианским вниманием относился Владыка к больному»³¹, – замечает Поповский, приводя в доказательство фрагмент из первоисточника: «...“Приступая к операции, надо иметь в виду не только брюшную полость, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется “случаем”. Человек

в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле. Поэтому, – наставлял святитель, – не только выполните весьма важную задачу подкрепить сердце камфарой или дигаленом, но позаботьтесь о том, чтобы избавить его от тяжелой психической травмы: вида операционного стола, разложенных инструментов, людей в белых халатах, масках, резиновых перчатках – усыпите его вне операционной”»³².

Многие уникальные документы, найденные Поповским, а также приведенные им историко-географические справки были в дальнейшем использованы редакторами автобиографии архиепископа Луки в качестве примечаний. Данные дополнения существенно обогатили книгу воспоминаний святителя «Я полюбил страдание...», не только раскрыв перед читателем внутренний путь личностного развития хирурга-архиепископа, но и поместив героя в пространственный, временной и социально-исторический контексты.

Изданная автобиография святителя Луки «Я полюбил страдание...» представляет собой сочетание различных жанров: помимо характерных элементов биографии здесь есть, по терминологии Бахтина, и «лирическая объективация внутреннего человека»³³, и мемуарный контекст, и черты «самоотчета-исповеди»³⁴. Особенностью, объединяющей данные жанры, является принципиальная неразграниченность автора-повествователя и героя. Они не противостоят друг другу, но оба «пассивны», разделяют общее бытие. Произведение остается «не завершенным сполна и не изолированным», являясь в известной степени «полусырым материалом» для активной «художественной обработки» критическим читателем³⁵. Указывая

³⁰Поповский М.А. Указ. соч.

³¹Там же.

³²Там же.

³³Бахтин М.М. Указ. соч. С. 145.

³⁴Там же. С. 151.

³⁵Там же С. 144–145.

«за свои границы»³⁶, автобиография становится родственной самоотчету-исповеди: «само-объективация» и отрицание здешнего оправдания *другим* переходят «в нужду в оправдании религиозном <...> как абсолютно *чистом даре* (не по заслугам)»³⁷.

По наблюдению М.М. Бахтина, «предвосхищая верою оправдание в Боге, я мало-помалу из *я-для-себя* становлюсь *другим* для Бога, наивным в Боге»³⁸. Подобное внутреннее сближение вносит в автобиографию «нехудожественное задание»³⁹, свойственное самоотчету-исповеди. Это, во-первых, «молитва <...> о прощении <...> грехов» субъекта повествования; во-вторых, «назидание»⁴⁰. Здесь «вживание в субъект и воспроизведение в себе внутреннего события его» предполагается «не в целях завершения и освобождения» героя, а в целях «собственного духовного роста, обогащения духовным опытом»⁴¹. Данное «нехудожественное задание», в свою очередь, сближает автобиографию с назидательной целью житийного жанра, изображающего путь человека к спасению.

В настоящий момент существуют лишь писательские жизнеописания Луки Войно-Ясе-

нецкого. Большинство повествований основывается на фактах из биографии святителя, его собственных высказываниях из книги воспоминаний «Я полюбил страдание...», текстах поучений и проповедей, а также на документальных материалах, собранных М. Поповским. Преследуя свойственную для агиографии цель проследить внутренний путь движения святого к Богу, данные сочинения все же далеки от традиционного житийного стиля с его характерной обратной перспективой и ориентацией в изображении на вечность.

Созданный Поповским образ Войно-Ясенецкого носит полностью художественный характер. Несмотря на обилие фактографических материалов, писатель вносит в произведение свой субъективно-оценочный взгляд. Он эстетизирует образ героя, наполняя произведение художественной атмосферой, что в корне не соответствует заведомо нехудожественному заданию самоотчета-исповеди или жития святого. Жития святого Луки Войно-Ясенецкого, написанного по канонам Русской православной церкви, до сих пор не существует.

Список литературы

1. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибир. филол. журн. 2011. Вып. 1. С. 95–102.
2. Дорофеева Л.Г. Агиография о новомучениках и исповедниках российских XX–XXI вв. как явление русской словесности. Проблемы изучения. URL: <https://mroc.pravobraz.ru/dorofeeva-l-g-agiografiya-о-новомучениках-2017/> (дата обращения: 03.03.2017).
3. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 472 с.
4. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 7. Специальные курсы (продолжение). М., 1989. 598 с.
5. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. 269 с.
6. Растягаев А.В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский, Фонвизин, Радищев). Самара, 2007. 410 с.

³⁶Бахтин М.М. Указ. соч. С. 144.

³⁷Там же. С. 124–125.

³⁸Там же. С. 127.

³⁹Там же. С. 129.

⁴⁰Там же. С. 130.

⁴¹Там же. С. 130–131.

7. Александр Мень, прот. Предисловие // Поповский М.А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. URL: <https://azbyka.ru/fiction/zhizn-i-zhitie-vojno-yaseneckogo-archiepiskopa-i-xirurga/#n4> (дата обращения: 21.01.2017).
8. Иванов В.И. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель, 1974. Т. 2. 851 с.
9. Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 1. 840 с.
10. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. 656 с.
11. Кадлубовский А.П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. 389 с.
12. Левина Е.С. Беда или вина академика Вавилова? // Природа. 1992. № 8. С. 121–124.
13. Ахундова И. Владимир Лисичкин: Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) – последний русский энциклопедист. URL: <http://www.pravoslavie.ru/62067.html> (дата обращения: 21.01.2017).

References

1. Makarenko E.K. *Agiografiya XX veka. Problema zhanra i metodov ego issledovaniya* [Hagiography in the 20th Century: The Problem of the Genre and the Methods of Investigating It]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 2011, no. 1, pp. 95–102.
2. Dorofeeva L.G. *Agiografiya o novomuchenikakh i ispovednikakh rossiyskikh XX–XXI vv. kak yavlenie russkoy slovesnosti. Problemy izucheniya* [Hagiography About New Russian Martyrs and Confessors of the 20th – 21st Centuries as a Phenomenon of Russian Literature. Problems of Study]. Available at: <https://mroc.pravobraz.ru/dorofeeva-l-g-agiografiya-o-novomuchenikakh-2017/> (accessed 3 March 2017).
3. Klyuchevskiy V.O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik* [Old Russian Lives of Saints as a Historical Source]. Moscow, 1871. 472 p.
4. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya. 1987–1990. T. 7. Spetsial'nye kursy (prodolzhenie)* [Works. 1987–1990. Vol. 7. Special Courses (Continuation)]. Moscow, 1989. 598 p.
5. Fedotov G.P. *Svyatye Drevney Rusi* [Old Russian Saints]. Moscow, 1990. 269 p.
6. Rastyagaev A.V. *Agiograficheskaya traditsiya v russkoy literature XVIII v. (Kantemir, Trediakovskiy, Fonvizin, Radishchev)* [Hagiographic Tradition in Russian Literature of the 18th Century (Kantemir, Trediakovsky, Fonvizin, Radishchev)]. Samara, 2007. 410 p.
7. Men' A. *Predislovie* [Foreword]. Popovskiy M.A. *Zhizn' i zhitie Voyno-Yasenetskogo, arkhiepiskopa i khirurga* [The Life and Acts of Archbishop and Surgeon Voyno-Yasenetsky]. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/zhizn-i-zhitie-vojno-yaseneckogo-archiepiskopa-i-xirurga/#n4> (accessed 21 January 2017).
8. Ivanov V.I. *Sobr. soch.* [Collected Works]. Brussels, 1974. Vol. 2. 851 p.
9. Florenskiy P.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1990. Vol. 1. 840 p.
10. Losev A.F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works]. Moscow, 1990. 656 p.
11. Kadlubovskiy A.P. *Ocherki po istorii drevnerusskoy literatury zhitii svyatykh* [Essays on the History of Old Russian Literature of the Lives of Saints]. Warsaw, 1902. 389 p.
12. Levina E.S. *Беда или вина академика Вавилова?* [The Misfortune or Guilt of Academician Vavilov?]. *Природа*, 1992, no. 8, pp. 121–124.
13. Akhundova I. *Vladimir Lisichkin: Svyatitel' Luka (Voyno-Yasenetskiy) – posledniy russkiy entsiklopedist* [Vladimir Lisichkin: St. Luke (Voyno-Yasenetsky), the Last Russian Encyclopaedist]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/62067.html> (accessed 21 January 2017).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.113

Anna A. Motorina

Moscow Region State University;
ul. Radio 10A, Moscow, 105005, Russian Federation;
e-mail: blackfish00@yandex.ru

For citation: Motorina A.A. Writings of the Life and Acts of St. Luke Voyno-Yasenetsky (Correlation Between Biography, Autobiography and Hagiography). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 5, pp. 113–121. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.113

**WRITINGS OF THE LIFE AND ACTS OF ST. LUKE VOYNO-YASENETSKY
(CORRELATION BETWEEN BIOGRAPHY, AUTOBIOGRAPHY
AND HAGIOGRAPHY)**

Based the writings of the life and acts of St. Luke Voyno-Yasenetsky, this article presents a comparative analysis of the biographical, autobiographical, memoir and hagiographical genres. These genres grew in importance during the crisis period at the turn of the 21st century. A theoretical definition of the features of hagiography in contemporary literary criticism was required. The paper provides a historiographic review of the opinions on the correlation between these genres in the works by V. Klyuchevsky, A. Kadlubovsky, G. Fedotov, E. Makarenko, L. Dorofeyeva, and A. Rastyagayev. Methodologically, the research is based on the genre division proposed by M. Bakhtin, who differentiates them according to the roles of the author's and character's images and correlation between them. The distinction between the genres is made taking into account their inner orientation toward fictionality, historical truth and artistic sincerity. In addition, the paper takes into consideration the judgments of N. Berdyaev, Vyach. Ivanov, P. Florensky, A. Losev, and A. Kadlubovsky on how myth, legend and writing of the life are related to objective reality and ideal reality. The article focuses on the book *The Life and Acts of Archbishop and Surgeon Voyno-Yasenetsky* by M. Popovsky and St. Luke's autobiography *I Learned to Love Suffering...* The paper also contains a critical analysis of Popovsky's book, which is not a pure biography or hagiography, but a writing of a mixed type, with the author's subjective viewpoint being of utmost importance. This research proves the necessity of creating a proper canonical hagiography of St. Luke, who was canonized by the Russian Orthodox Church in 2000.

Keywords: *Luke Voyno-Yasenetsky, hagiography, writing of the life and acts, historical truth, canonical hagiography.*

Поступила: 05.03.2017
Received: 5 March 2017